

ДЕЛО ПОМЕЩИЦЫ ДАВЫДОВОЙ

К ИСТОРИИ ЮНОШЕСКИХ ДРАМ БЕЛИНСКОГО И ЛЕРМОНТОВА

Сообщение А. Храбровицкого

Совпадение антикрепостнических сцен в юношеских драмах Белинского и Лермонтова давно привлекало к себе внимание исследователей. С. А. Венгеров назвал это совпадение «удивительнейшим» и «до жуткости странным». В самом деле: «В один и тот же 1830—31 год, в одной и той же литературной форме, одно и то же крайне редко тогда встречавшееся чувство негодования и возмущения крепостным правом выразили из всей русской литературы два юных чембарца!..»¹

Совпадение усугубляется тем, что и в «Дмитрии Калинине» Белинского и в драмах Лермонтова «Люди и страсти» и «Странный человек» фигурой, олицетворяющей крепостное тиранство, является женщина-помещица.

Это совпадение трудно объяснить общими литературными и театральными влияниями, так же как и взаимным влиянием авторов, не знавших друг друга². Его корни прежде всего надо искать в реальной действительности, давшей один и тот же материал великим землякам. Высказывания Белинского и Лермонтова также подтверждают это. О своей драме Белинский писал отцу в Чембар («Письма», I, 28): «Вы (...) увидите многие лица, довольно вам известные». Лермонтов в предисловии к «Странному человеку» заявил: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы»³.

Венгеров, основываясь на преданиях, собранных П. К. Шугаевым и опубликованных в его статье «Из колыбели замечательных людей»⁴, назвал прототипом помещицы-тиранки в драмах Белинского и Лермонтова помещицу села Поляны Чембарского уезда Мосолову⁵. Хотя доказательств знакомства Белинского и Лермонтова с Мосоловой не имеется, предположение Венгерова, как единственное, прочно вошло в обширную литературу о юношеских драмах Белинского и Лермонтова.

На основе найденных нами архивных материалов мы хотим назвать другое имя, еще не появлявшееся в литературе о Лермонтове и Белинском, — имя помещицы села Пачелмы Чембарского же уезда — М. Я. Давыдовой.

* * *

В 1828 г. администрация Пензенской губернии подверглась ревизии, возглавлявшейся сенатором Горголи. Судя по воспоминаниям губернатора Ф. П. Лубяновского, которому ревизия дала «крепкого щелчка (...) самолюбию», она была очень строгой. Лубяновский назвал ее «нешадной погоней за злодеями»⁶. Живший в Пензе Ф. И. Буслаев, которому в то время было всего десять лет, вспоминал спустя 60 лет о грозном ревизоре: «О нем много шушукалось с соблюдением стражайшей тайны, но в этой тихомолке мне не раз звучалось слово „Горголи...»⁷

В Пензенском областном архиве хранится дело на 540 листах «Об обревизовании Пензенской губернии сенатором Горголием, по высочайшему повелению». В этом деле находится ряд жалоб, поданных ревизору на действия местных властей. Среди них мы нашли переписку о деле помещицы Давыдовой⁸.

Переписка начинается отношением губернатора Лубяновского от 8 марта 1828 г. на имя чембарского земского исправника, в котором говорится:

«Села Пачелмы однодворец Петр Карпов Дураков принес г. сенатору жалобу, что родная сестра его Матрена⁹, находящаяся замужем за крестьянином титулярной

советницы Давыдовой, терпела от нее во время беременности жестокие побои и от того безвременно родила дочь мертвую, имеющую знаки на голове, спине и левой руке, но вы и лекарь Бельнский при следствии знаки сии сокрыли и в допросах писали не те слова, кои были говорены».

Губернатор предлагал исправнику, а также чембарскому уездному предводителю дворянства немедленно уведомить его об этом деле.

Исправник Москвин и предводитель дворянства Мосолов отрицали это обвинение. В рапорте исправника сказано: «На теле мертвого младенца никаких знаков нет, а тело виду красноватого <...> Госпожа Давыдова Марью Карпову не била, да и в тот день в избу не входила <...> Сверх того и повальным обыском она Карпова от обывателей в поведении не одобрена». Предводитель же сообщил губернатору: «Дознал я чрез посредство живущих в оном селе Пачелме господ дворян, что она, Давыдова, с крестьянами своими обходится хорошо, не употребляя никаких жестокостей».

Из дальнейшей переписки мы узнаем, что в результате побоев, нанесенных помещицей, Карпова умерла. В Чембарском земском суде, а затем в Пензенской уголовной палате рассматривалось дело о ее смерти, закончившееся оправданием истязательницы Давыдовой¹⁰.

Последний документ переписки — прошение на имя губернатора, поданное в октябре 1828 г. «крестьянской женой» Федосьей Прокофьевой, в значительной степени выясняет обстоятельства, предопределившие результат судебного разбирательства. Приводим его полностью:

«Ваше превосходительство!

Госпожа моя, живущая в Чембарском уезде в селе Пачелма (чин коей я не знаю), Марья Яковлева дочь, по мужу Давыдова. На первой неделе великого поста сего года из своих рук наказывала неизвестно за что крепостного своего человека Ефрема Абрамова жену Марью Карпову по щекам и за волосы. От каковых побой она Карпова на другой день, не донося до настоящего времени, родила младенца мертвого, а чрез неделю и сама скончалась, о каковом происшествии Чембарский земский суд допрашивал меня с прочими женками.

А я, убоясь госпожи своей Давыдовой показать правду, о виде оного быв, чинила два раза запирательство, а когда дело об ней, Давыдовой, сие переслано в Пензенскую уголовную палату на ревизии, которая как меня, равно и прочих женок, значущих в деле, вытребовав, с увещанием священника допрашивала о означенном происшествии, которой я все, что видела, показала без всякой утайки, и отпущена была в то же время палатой в дом означенной госпожи Давыдовой.

По явке моей в жительство госпожа Давыдова с первого самого шага начала делать мне разные притеснения побоями с подпреком таковым: „для чего де я на нее показывала правду и что попржнему не делала запирательства“, но избирая ко истязанию такое удобное время, когда у нее никого из сторонних людей в доме не бывает.

Почему осмеливаюсь пасть пред стопы вашего превосходительства и вынужденною нахожу себя всепокорнейше просить ваше превосходительство, удостойте по врожденному в душе и сердце ваших человеколюбию меня нижайшую принятием сего прошения и предпишите по вверенной вам власти предварительно, госпожу Марью Яковлеву Давыдову (у которой я имею в доме в услужении ее проживание) от делаемого ею мне под разными предложениями истязания предостановить, о чем и буду ожидать милостивейшего вашего превосходительства распоряжения».

На этом прошении рукою Лубяновского положена следующая резолюция:

«Хотя нельзя дать веры словам сей просительницы, но на всякой случай поручить чембарскому предводителю, вызвав к себе г. Давыдову, или иначе дать ей знать, чтобы по делу уже конченному она ее не стесняла».

Зловещий образ этой помещицы-соседки не мог не остановить на себе внимания гениальных юношей и не вызвать у них страстного протеста.

Слова Белинского в «Дмитрии Калинин» о «змее-женщине», которая «и била, как собак, и отдавала в солдаты, и пускала по миру, отнимала хлеб, скот...» (I, 42, 124), перечисление жестокостей и гневное восклицание Лермонтова в «Странном человеке»: «и до такой степени злодейства доходит женщина!»¹¹ — с полным правом можно

БЕЛИНСКИЙ, НЕКРАСОВ И ПАНАЕВЫ

Картина маслом А. С. Лепилина, 1950 г.

Художественный институт им. В. И. Сурикова, Москва

отнести к Давыдовой. А исход ее дела мы вправе поставить в прямую связь со словами мужика в «Странном человеке»: «Где защитники у бедных людей? — У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком»¹².

* * *

Мы располагаем следующими доказательствами того, что Белинский и Лермонтов были осведомлены о Давыдовой.

Из изложенной выше переписки видно, что отец Белинского — «лекарь Белинский» лично участвовал в следствии по делу Давыдовой и для этого выезжал в ее пачелмское поместье. Мы знаем, что он был обвинен братом Карповой в сокрытии следов побоев на теле мертворожденного ребенка. Подобное обвинение, дошедшее до сенатора, ревизовавшего губернию «по высочайшему повелению», ставшее известным губернатору и вызвавшее расследование, не могло не быть источником беспокойства и разговоров о деле Давыдовой в семье Белинских. Отметим, что Виссарион Григорьевич в это время еще находился в родных краях, учась в пензенской гимназии и проводя каникулы в Чембаре¹³.

В Пачелме, где жила Давыдова, находилось также поместье близких родственников Белинского — Ивановых¹⁴. В 1828 г. священником в этом селе был дядя Белинского, брат его отца — Андрей Никифорович¹⁵. Виссарион Григорьевич, несомненно, бывал в Пачелме. Пачелму он упоминает в пятигорском письме к Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г., иронически предлагая ему отослать университетские лекции «в Пачелмо (<!) под сохранение в каком-нибудь старом сундуке в темном чулане» («Письма», I, 85). Мы достоверно знаем также, что Белинский был знаком со старшим сыном Давыдовой — Павлом Гавриловичем, который привез в Москву известие о смерти матери Белинского¹⁶.

Таковы доказательства знакомства Белинского с Давыдовой, ее семьей и ее делом.

Что касается Лермонтова, то эти доказательства еще более очевидны. В воспоминаниях родственника Лермонтова — А. П. Шан-Гирея, жившего с ним в Тарханах, читаем: «Жил с нами сосед из Пачелмы (соседняя деревня) Николай Гаврилович Давыдов»¹⁷. Из документов, находящихся в Пензенском областном архиве, нами установлено, что помещица села Пачелмы Марья Яковлевна Давыдова имела сыновей Николая Гавриловича и Павла Гавриловича¹⁸.

Итак, родной сын помещицы-тиранки был сверстником и товарищем детских игр Лермонтова. Из воспоминаний двоюродного брата Лермонтова — М. А. Пожогина-Отрашкевича¹⁹, также жившего в Тарханах, мы узнаем, что Давыдов был взят в дом Е. А. Арсеньевой для совместного воспитания с Лермонтовым. Он был ровесником Лермонтова и рос вместе с ним с пятилетнего возраста. Мы вправе утверждать, что Лермонтов часто видел Давыдову в Тарханах и сам бывал с ее сыном у нее в Пачелме. Кстати, пещера, описанная в «Вадиме», напоминает пачелмскую²⁰.

Таким образом, Лермонтов, будучи ребенком и отроком, имел возможность в течение многих лет наблюдать быт помещицы-тиранки и ее обращение с крепостными. В 1828 г., когда одно из ее преступлений стало предметом особого разбирательства, он также был в родных краях²¹.

В общем комплексе впечатлений от крепостнической действительности, послуживших источником для юношеских драм Белинского и Лермонтова, необходимо учитывать отныне и впечатления обоих писателей от зловещей фигуры пачелмской помещицы М. Я. Давыдовой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. Под ред. и с прим. С. А. Венгерова, т. 1. СПб., 1900, стр. 135.

² По словам Н. М. Сатина, Белинский и Лермонтов познакомились в 1837 г. у него на квартире в Пятигорске. Здесь они открыли, что «оба уроженцы города Чембар (Пензенской губернии)» («Почин», М., 1895, стр. 239). См. также: «Виссарион Григорьевич

Белинский в воспоминаниях современников». Собр. и коммент. М. К. Клеман. Л., 1929, стр. 135.

³ М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. IV, М.—Л., «Academia», 1935 стр. 183.

⁴ «Живописное обозрение», 1898, № 22.

⁵ «Судя по тому, что и у Лермонтова и у Белинского тиранкой является женщина, прототипом им служила Мосолова» (I, 136).

⁶ «Воспоминания Федора Петровича Лубяновского». — «Русский архив», 1872, № 3, стб. 524.

⁷ Ф. И. Буслеев. Мои воспоминания, М., 1897, стр. 79.

⁸ Пенз. обл. архив, ф. Канцелярии пенз. губернатора, д. 1447. Начато 6 февраля 1828 г.; кончено 14 января 1830 г. Переписка о деле Давыдовой на лл. 131—139.

⁹ Во всех других документах именуется Марьей.

¹⁰ В Пензенском областном архиве это дело разыскать не удалось.

¹¹ М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. IV, М.—Л., 1935, стр. 210—211.

¹² Там же.

¹³ Белинский уехал в Москву летом 1829 г.

¹⁴ Это устанавливается делом «О внесении в дворянскую родословную книгу штабс-капитана Николая Петровича Иванова» (Пенз. обл. архив, ф. 196, д. 1082). См. также ф. Пенз. духовной консистории, д. 1079, «Исповедальные росписи Чембарской округи за 1825 г.».

¹⁵ Пенз. обл. архив, ф. Пенз. духовной консистории, клировые ведомости 1828 г. с. Пачелмы Чембарской округи. Сообщено В. С. Нечаевой. Ср. «В. Г. Белинский». Сборник статей и документов к биографии великого критика. Под ред. Н. Л. Бродского. Пенза, 1948, стр. 136. (Здесь допущена опечатка — Андрей Никифорович назван Андреем Трифоновым.)

¹⁶ В письме из Москвы к П. П. и Ф. С. Ивановым от 5 февраля 1835 г. Белинский писал: «Я узнал от П. Г. Давыдова о смерти родной» («Письма», I, 61).

Отставной штабс-капитан П. Г. Давыдов в 1833 г. был заседателем Чембарского уездного суда (Пенз. обл. архив, ф. 34, д. 437, л. 5 об.). Отец П. Г. Давыдова и муж М. Я. Давыдовой — Гавриил Петрович Давыдов в 1807 г. был чембарским уездным стряпчим (Пенз. обл. архив, ф. Канцелярии губернатора, д. 197, «Сведения о дворянах Чембарского уезда». Сообщено В. С. Нечаевой).

¹⁷ «М. Ю. Лермонтов». Рассказ А. Шан-Гирея. — «Русское обозрение», 1890, август, стр. 726.

¹⁸ Нами найдена копия судебной доверенности, выданной титулярной советницей Марьей Яковлевной Давыдовой (между прочим, неграмотной, как и Лесинская в «Дмитрии Калинин») старшему сыну, Павлу Гавриловичу Давыдову, и заверенной в Чембарском уездном суде 29 июля 1833 г. Этой доверенностью М. Я. Давыдова как опекунша поручает П. Г. Давыдову защиту интересов младшего сына, Николая Гавриловича, находившегося в то время в Казанском университете «для окончания наук» (Пенз. обл. архив, ф. 34, д. 463. «О недвижимом имении гг. Вышеславцевых», л. 52). У Давыдовой была также дочь Пелагея Гавриловна, по мужу Жизневская (Пенз. обл. архив, ф. 34, № 437, л. 43). Очевидно, она жила у Арсеньевой, так как в церковных книгах села Тарханы в 1820—1822 гг. значится «дворянская девица Пелагея Гавриловна» (В. Корнилов. Тарханы. М., 1948, стр. 44).

¹⁹ А. Корсаков. Заметки о Белинском, Лермонтове, Полежаеве и графе Потемкине. — «Русский архив», 1881, кн. 3, стр. 457. Давыдов обозначен здесь буквой Д.

²⁰ Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 40—41.

²¹ 1828 годом датируется поэма Лермонтова «Черкесь», имеющая авторскую пометку: «В Чембаре. За дубом».